

**ДИСКУРС О РОССИИ НА ЗАКАТЕ ЦАРСКОЙ ИМПЕРИИ:
ПОИСКИ НОВЫХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ И КУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ**

DOI 10.34685/ИИ.2025.26.22.035

Пархоменко Татьяна Александровна,

доктор исторических наук,
руководитель отдела культурологии
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва
Email: ParchomenkoT@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется творческий дискурс о судьбе царской России в последний период ее существования, который касался трех основных частей ее официальной идеологии – самодержавия, православия, народности и был связан с проблемой социокультурного развития страны. В центре обсуждения стояли вопросы веры и разума, церкви и духовного обновления, предназначения культуры и искусства, национального самоопределения, войны и мира, свободы и революции.

Ключевые слова: Российская империя, культура, общественная мысль, религия, творческое сообщество, революция.

В истории отечественной культуры вторая половина XIX – начало XX века были временем больших цивилизационных и творческих достижений. Именно в этот последний период существования императорской России сложилась великая русская культура, открывшая миру новый взгляд на человека и его душу со всеми ее светлыми и темными сторонами, глубинами падения и вершинами взлета. Если европейский Ренессанс вернул человека в центр культуры, сделал главной ее темой гуманизм, красоту и гармонию с природой, то русская мысль развила ее до проблемы духовного преобразования человека, общества и жизни. «Мир есть творческий акт», писал А.Н.Скрябин, поэтому «творить... значит желать нового, другого» [1].

Однако сложность социокультурной ситуации в России порубежного времени состояла в том, что «новое» понималось совершенно по-разному – от рывка в светлое будущее до возврата в забытое прошлое, что привело к острой конфронтации идейных течений: радикального и патриархального, консервативного и либерального, религиозного и атеистического, анархистского и этатистского. Основной дискурс велся вокруг главной идеологемы эпохи – «православия, самодержавия, народности», которая была тесно связана с вопросами развития культуры. И если относительно царизма существовал определенный консенсус мнений, выраженный издателем А.С.Сувориным – «В России два царя: Николай Второй и Лев Толстой. Который сильнее? Николай Второй ничего не может сделать Толстому, а Толстой непрерывно расшатывает трон Николая Второго» [2], то в отношении двух других частей официальной триады мнения расходились.

Более всего это касалось христианства и веры в целом. Изданная в Москве в 1879 году книга профессора Б.Н.Чичерина «Наука и религия» открыла обширную дискуссию на данную тему. Мастера культуры, желавшие, по словам А.Н.Бенуа, «найти собственные, не зависящие от церкви, пути к духовному обновлению» [3], оказались перед дилеммой: положиться на Бога и следовать его воле или опереться на силу разума и взять судьбу в свои руки? Многие выбрали второе, заявляя: «Для нас религиозные ценности тесно связаны со свободой, и те, которые пользуются ими в целях насилия над совестью и даже жизнью – для нас нетерпимы» [4]. Обратной стороной русского богоборчества было богоискательство и христианский социализм, у истоков которого стоял С.Булгаков, считавший необходимым «вводить относительную правду освободительного политического и социального движения в религиозное сознание» и «мирить этот духовный раскол» [5].

Деятели науки и культуры отвергали не столько веру, сколько церковь как самодержавный институт власти и управления, наглядным примером чего были «Исповеди» Л.Толстого и М.Горького. Творческое сообщество терзала юридическая зависимость от православной церкви, разрыв с которой считался государственным преступлением, и вынужденная необходимость двоеверия-двоемыслия, о чем открыто говорил профессор В.И.Вернадский: «Исполняя неизбежные по службе обряды, я давно не был христианином и привык к этой личине относиться формально» [6]. Но не все поступали так, в частности, К.Н.Леонтьев, писавший: «Я православию подчиняюсь вполне. Я признаю не только то, что в нем убедительно для моего разума и сердца, но и то, что мне претит...» [7] Или математик П.А.Флоренский, принявший священство и утверждавший, что «разум должен отрешиться от своей ограниченности в пределах рассудка» и «стать “новым” разумом» путем обретения веры, ибо она «есть источник высшего разума» [8]

Представители православной церкви и творческого сообщества говорили на разных языках и, как верно заметил однажды отец Иоанн Кронштадтский, призывавший интеллектуалов остаться в церкви, «вы с презрением оттолкнете нас, вы не можете быть нам преданы, ибо мы преподаем учение “не от мира сего”, не от вашей мудрости» [9]. Деятели науки и культуры считали, что им открыты все пути улучшения жизни, но церковь вопрошала: «Разум? Разве ты не знаешь, сын мой, сколь мала мудрость, царящая в мире?» [10] В этом же был убежден и К.Н. Леонтьев, считавший, что «социально-политические опыты ближайшего грядущего» есть «ложный путь искания общего блага и гармонии», что «испытавши все возможное, даже и горечь социалистического устройства, передовое человечество должно будет неизбежно впасть в глубочайшее разочарование», ибо «уравнивая общество во имя прав и благоденствия», оно «приготавливает лишь размягченную почву для нового... *неравенства*, для нового рода страданий, для нового рода *организованной* муки!» [11] Вместо призывов к восстанию и революции философ заявлял: «Терпите! Всем лучше никогда не будет. Одним будет лучше, другим станет хуже. Такое состояние, такие колебания горести и боли – вот единственно возможная на земле гармония! И больше ничего не ждите» [12].

Но ждать и терпеть не хотели. В 1915 году вышла поэма В.Маяковского «Облако в штанах» («Тринадцатый апостол») с такими словами: «Я думал – ты всеильный божище, / а ты недоучка, крохотный божик. / Видишь, я нагибаюсь, / из-за голенища / достаю сапожный ножик» [13]. В обществе вызревала совершенно другая религия, о которой писатель М.П.Арцыбашев говорил: «На место старого Бога немедленно воздвигается новый алтарь. Грядет новый Господин, не менее требовательный и жестокий. Имя этому Богу, этому Господину – Человечество. Не человек, не личность, не живой дух, а слепое и тупое большинство человеческое, толпа, масса» [14]. И в революционном 1917 году на вопрос: «Но все-таки бог останется?», следовал четкий ответ – «Бог останется, но только другой будет бог» [15].

Интеллигенция, опираясь на принцип *salus populi suprema lex*, то есть «благо народа – высший закон», считала себя главным выразителем и защитником народных интересов, что ярко проявилось в художественной культуре. Однако ее взгляд на народ был во многом со стороны, его жизнь она знала и понимала плохо, так как принадлежала иному культурному миру – европейскому, городскому. «Мужик для нас, для господ, – центральная Африка..., – говорил писатель А.И.Эртель. – Америка, еще не открытая. <...> Вы знаете мужика? <...> Я знаю мужика? Душу-то его, подоплеку-то? Никто не знает» [16]. Это же видел М.Горький: «Наши социальных дел мастера затеяли построение храма новой жизни, имея, может быть, довольно точное представление о материальных условиях бытия народа, но совершенно не обладая знанием духовной среды, духовных свойств материала» [17]. С Горьким был согласен писатель С.Кондурушкин, отмечавший, что литераторы часто простое население «изображают по-интеллигентски, как им по разуму кажется, что должно быть в жизни народной», а не «какова она есть на самом деле. <...> То все крестьянство – “наше преступление”, то крестьянство хорошо, а мы – “преступление” в русской жизни. Всегда есть какое-то интеллигентское напряжение, склонность натянуть русскую жизнь на свой кулак» [18]. Негативно относился к такому творчеству и С.Есенин, называвший его «жалкой пародией на народ», где «смотрят на крестьянина, как на забавную игрушку» или «ребенка, которым они тешатся, потому что к нему не привилось еще ничего дурного» [19].

Поверхностность знаний о русском народе привела к тому, что одни представители творческого сообщества сосредоточились на разработке массовых форм культуры, другие – на разрушении старых и создании новых социальных форм жизни, видя в культуре лишь второстепенное средство

достижения политических целей. В результате, начавшаяся среди интеллигенции борьба за народ стала преследовать диаметрально противоположные цели: от сохранения исконной России до ее коренного преобразования. Наблюдая за спорами о будущем народа, писатель Л.Н.Андреев спрашивал: «Вы знаете точно, что нужно вашему человечеству, созидание нового или разрушение старого государства? Война или мир? Революция или покой?» [20] Ясного ответа кроме радикалов никто не давал, что побудило того же Андреева сказать о том, что в «борьбе за свой идеал, который состоит в “свободе, равенстве и братстве”, граждане должны пользоваться такими средствами, которые не противоречат этому идеалу. Убивать же – это значит пользоваться обычным средством людей старого мира, у которых девизом служит “рабство, привилегии, вражда”... И в борьбе, которая ведется оружием, победителем всегда будет не тот, который лучше, а тот, который хуже, то есть который жесточе, меньше жалеет и уважает человеческую личность», поэтому «побеждать нужно головой, а не руками, потому что на голову подлещы слабы...» [21]

Тема народа разделила творческое сообщество на идеалистов, видевших в русских лишь добродетельную покорность, набожность, праведность и вслед за Ф.М.Достоевским считавших их народом-богоносцем, и реалистов-прагматиков, говоривших о деле и созидательном труде, способном привести народ к процветанию. Однако людей, писавших о «поэзии действия», воспринимали в России как иностранцев. Так, К.И.Чуковский, говоря о Сергееве-Ценском, обмолвился, что он «не был бы русский писатель, если бы умел прославить дельца», на что М.Горький заметил: «Мысль <...> верна, великолепна, ее надо немножко развить <...> Лескова, прославляющего дело и дельца, не читают, не знают» [22]. Интеллигенция в массе своей полагала, что ее основная задача – «глаголом жечь сердца людей», то есть слово. Практическая сторона волновала мало, многие презирали «малые дела», которые на фоне больших планов казались ничтожными. И в этом она была похожа на православное духовенство, считавшее, что молитва есть «внутреннее делание», а внешнее – его не касается.

Большое влияние на общественную мысль оказывали войны, в которых участвовала Россия. В начале XX века споры о русском народе перешли в «размышления о национальности» и русском «культурном патриотизме», инициированные С.Н.Булгаковым, А.Белым, автором нашумевших «Писем к русской нации» М.О.Меньшиковым и другими. Как отмечал публицист М.А.Славинский, Россия стоит на пороге «свободного национального самоопределения», и «в руках интеллигенции находятся все ключи от национальной судьбы того народа, представительницей которого она является» [23]. Но ключи у всех были разные, более подходящие к «ящику Пандоры», чем к русскому государству, на что не без тревоги указывал в «Невоенном дневнике. 1914–1916» Д.С.Мережковский. В итоге за решение национального вопроса взялись левые радикалы во главе с Лениным, который считал патриотизм шовинизмом, а «истиной социализма» то, что «рабочие не имеют отечества» и воюют не за национальные, а всемирные классовые интересы [24]. Вместо борьбы за «единую и неделимую Россию» прозвучал лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», который после захвата власти большевиками приобрел новое звучание – «Пролетарии всех стран и угнетённые народы, соединяйтесь!» [25]

Призыв к братанию на фронте, превращению мировой войны в войну гражданскую был на-ура принят молодежью, как солдатской, так и тыловой, стремившейся расквитаться с несправедливым прошлым, его вождями и властителями дум. «Мы тебя доконаем, / Мир-романтик!.. / Стар – Убивать! На пепельницы черепа!», – восклицал В.Маяковский [26]. Многие деятели культуры, как известно, мечтали об освобождении, воспевали свободу, но при этом упускали то, что в жизни никакого общего для всех понимания свободы нет и у каждого свои взгляды и виды на нее. В русской ментальности практически отсутствовало признание того, что свобода одного человека ограничивается свободой другого. В России в основном думали не об интересах каждого человека, а сразу всего человечества, и это, говоря словами Н.Бердяева, «ложно направленное человеколюбие», составлявшее суть «интеллигентской правды», «не было основано на настоящем уважении к человеку, к равному и родному по Единому Отцу; оно было, с одной стороны, состраданием и жалостью к человеку из “народа”, а с другой стороны, превращалось в человекопоклонство и народопоклонство» [27].

Лишь немногие мастера культуры (Л.Н.Толстой, Ф.М.Достоевский, А.Н.Скрябин) полагали, что прежде чем изменять мир, нужно измениться самим, переделывать надо не человечество, а себя, и это будет первым шагом на пути перемен. В творческой среде главным считалось разорвать социальные путы, сковывавшие свободу, которая затем сама обеспечит светлое будущее страны. О качественных характеристиках думали мало, что в истории России сыграло роковую роль. В 1912 году М.Горький в

журнале «Современник» счел «злым, желчным плевком в лицо русского общества» сказанные писателем И.Ф.Наживиным в «Моей исповеди» слова о том, что «Реформе общественной должна предшествовать реформа личности», лозунг «В борьбе обрешь ты свое право» – неверен, ибо «борьба есть лучшее средство не обрести, а потерять свое право и право другого» [28]. Интеллигенция встала на сторону «буревестника революции», поскольку зваться революционерами тогда считалось намного привлекательнее, чем быть простыми работниками и творцами культуры.

В начале XX века левая интеллигенция сделала ставку на восстание, бунт, на силу давления масс, видя в революции высший закон, ради которого правомерно освободить себя от морали. Если общественное благо превыше всего, то во имя этого всеобщего блага можно и нужно подавлять интересы всех несогласных, присваивать себе право на их собственность, жизнь и смерть. Русские радикалы, выросшие в авторитарной среде, слегка привитой идеями европейского Просвещения, считали такой революционный подход прогрессивным, хотя на самом деле он был всего лишь перелицованным крепостничеством. Как писал А.П.Чехов, «Обедать, пить шампанское, галдеть, говорить речи на тему о народном самосознании, о народной совести, свободе и т.п. в то время, когда кругом стола снуют рабы во фраках, те же крепостные, и на улице, на морозе ждут кучера – это значит лгать святому духу» [29].

Левая интеллигенция полагала, что «никакой особой заботы о культуре личности (о столь презренном “самоусовершенствовании”) быть не может и не должно, что вся энергия должна быть расходуема на борьбу за улучшение среды» [30]. Это вело к принижению культуры, считавшейся «барской забавой», выделявшей человека из толпы, возвышавшей его над ней, тогда как революционные демократы стремились к обратному – к слиянию с массами. В 1917 году Тэффи (Н.А.Лохвицкая) саркастически писала: «Единение в звездах и светилах так трудно и сложно. Единение в хлеве... будет и легко и просто», – добавляя: «Чтобы двигать Россией, как и всем земным шаром, нужен разум» [31].

Верхний слой творческого сообщества был един в признании важности культуры, но расходился в понимании ее целей и задач. Большинство полагало, что художник есть критик общественных явлений, что его творчество вне идеи не имеет смысла. Меньшинство, представлявшее новое течение русской культуры, выступало против идеологической ангажированности, отстаивало «чистое искусство», «талант и искреннее служение Аполлону» [32]. За это старая генерация творцов обвиняла его в «духовном опустошении» и «модернистском индивидуализме», считала их представителей «душевнобольными декадентами», однако именно благодаря им рубежный период развития отечественной культуры конца XIX – начала XX веков получил название «Серебряный век».

В 1910-е годы в культуру вошло новое поколение – футуристическое, бунтарское, полное ненависти к прошлым кумирам: «“Долой вашу любовь”, “долой ваше искусство”, “долой ваш строй”, “долой вашу религию”», – заявлял в «Катехизисе сегодняшнего искусства» В.Маяковский [33]. Еще хлеще высказывался К.Олипов (Фофанов), посвящавший свои «Глаголы Родителя Мироздания», то есть стихи, «негодьям и мерзавцам, идиотам и кретинам». В ответ сыпались обвинения в дикости, варварстве, хамстве. Но это лишь способствовало росту популярности футуристов, которые в предисловии к альманаху «Пощечина общественному вкусу» самоуверенно заявляли: «Только мы – лицо нашего Времени». Других лиц быть не может и не должно, и это их культуроборчество, соединенное с богоборчеством, создало благодатную почву для масштабной революции и гражданской войны 1917–1920 годов, ставших катастрофой для всего творческого сообщества императорской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Скрябин, А. Н.* Записи // Русские Пропилеи : Материалы по истории русской мысли и литературы. Т. 6. – Москва : Изд. М. и С.Сабашниковых, 1919. – С. 147–148.

[2] Духовная трагедия Льва Толстого : [Сб.]. – Москва : Отчий дом, 1995. – С. 33.

[3] *Бенуа, А.* Мои воспоминания : В 5 кн. Кн. 4, 5 / Изд. 2-е, доп. – Москва : Наука, 1990. – С. 291.

[4] «Суд» над Розановым : Записки Санкт-Петербургского религиозно-философского общества // *Розанов, В. В.* Pro et contra. Кн. II. – Санкт-Петербург : РХГИ, 1995. – С. 186.

- [5] *Булгаков, С. Н.* Венец терновый : Памяти Ф.М.Достоевского // *Булгаков, С. Н.* Соч. в 2 т. Т. 2. – Москва : Наука, 1993. – С. 236.
- [6] Страницы автобиографии В.И.Вернадского / [Предисл. К. Флоренского]. – Москва : Наука, 1981. – С. 53.
- [7] *Леонтьев, К. Н.* Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни. – Москва : Мос. тов-во, 1882. – С. 99.
- [8] *Флоренский, П. А.* Столп и утверждение Истины. Т. 1. – Москва : Правда, 1990. – С. 60–62.
- [9] Из дневника о. Иоанна Кронштадтского // Духовная трагедия Льва Толстого... С. 115.
- [10] *Андреев, Л. Н.* Дневник Сатаны. – Москва : Директ-Медиа, 2006. – С. 344–345.
- [11] *Леонтьев, К. Н.* Записки отшельника. – Москва : Русская книга, 1992. – С. 408–409, 418–419, 515.
- [12] Там же. С. 416.
- [13] *Маяковский, В. В.* Облако в штанах // *Маяковский, В. В.* Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 1: 1912–1917. – Москва : Худож. лит., 1955. – С. 195.
- [14] *Арцыбашев, М. П.* Записки писателя. – Москва : Интелвак, 2006. – С. 162.
- [15] *Ясинский, И.* Роман моей жизни : Книга воспоминаний. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1926. – С. 330.
- [16] *Эртель, А. И.* Записки Степняка. – Москва : Правда, 1998. – С. 101.
- [17] *Горький, М.* «Несвоевременные мысли» и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). – Москва : Интерконтакт, 1990. – С. 132.
- [18] Литературное наследство : Т. 95: Горький и русская журналистика начала XX века. Т. 95 : : Неизданная переписка. – Москва : Наука, 1988. – С. 978.
- [19] *Есенин, С. А.* Когда я читаю Успенского... / *Есенин, С. А.* Собр. соч. : в 3 т. Т. 3. – Москва : Правда, 1970. – С. 129.
- [20] *Андреев, Л. Н.* Дневник Сатаны. – Москва : Директ-Медиа, 2006. – С. 318.
- [21] Там же. С. 552–553.
- [22] *Чуковский, К. И.* Современники : Портреты и этюды. – Москва : Мол. гвардия, 1963. – С. 356.
- [23] *Славинский, М. А.* Русская интеллигенция и национальный вопрос // Вехи. Интеллигенция в России : Сб. ст., 1909–1910. – Москва : Мол. гвардия, 1991. – С. 413–414, 416.
- [24] *Ленин, В. И.* Война и российская социал-демократия // *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 26. – Москва : Политиздат, 1980. – С. 20.
- [25] *Ленин, В. И.* Выступление на собрании актива Московской организации РКП (б) 6 дек. 1920 г. // *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. ... Т. 42. С. 71.
- [26] *Маяковский, В. В.* 150 000 000 // *Маяковский, В. В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 2: 1917–1921. – Москва : Худож. лит., 1956. – С. 125.
- [27] *Бердяев, Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Интеллигенция в России... С. 30.
- [28] Современник. – 1912. – Кн. 11. – С. 61.

[29] Чуковский, К. И. Указ. соч. С. 130.

[30] Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Вехи. Интеллигенция в России... С. 74–75.

[31] Тэффи, (Н. А. Лохвицкая). Контрреволюционная буква. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2006. – С. 33, 106.

[32] Грабарь, И. Письма 1891–1917. – Москва : Наука, 1974. – С. 172.

[33] Маяковский, В. В. Облако в штанах : [Примечания] // Маяковский, В. В. Полн. собр. соч. ... Т. 1. С. 441.

THE DISCOURSE ABOUT RUSSIA AT THE END OF THE TSARIST EMPIRE: THE SEARCH FOR NEW WAYS OF DEVELOPMENT AND CULTURAL MEANINGS

Parkhomenko Tatiana Alexandrovna,

D. in History, Head of the Department of Cultural Studies,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article analyzes the creative discourse about the fate of tsarist Russia in the last period of its existence, which concerned the three main parts of its official ideology – autocracy, the orthodox faith, and the national essence and was associated with the problem of socio-cultural development of the country. The discussion focused on issues of faith and reason, the church and spiritual renewal, the purpose of culture and art, national self-determination, war and peace, freedom and revolution.*

Key words: *Russian Empire, culture, social thought, religion, creative community, revolution.*

© Пархоменко Т.А., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 16.05.2025.

Ссылка на статью:

Пархоменко, Т. А. Дискурс о России на закате царской империи: поиски новых путей развития и культурных смыслов. – DOI 10.34685/NI.2025.26.22.035. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 3(61). – С. 34-39. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/709.html&j_id=65.